

НАЦИОНАЛИЗМ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ: НА ПРИМЕРЕ КАРАЧАЯ И ЧЕЧНИ

Дильман Ю.В.¹, Буров А.Н.¹, Сарматин Е.С.²

¹ ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» (Волгоградский филиал), Волгоград, Россия (400131, г. Волгоград, ул. Волгодонская, 11), e-mail: Volgograd@rea.ru

² НОУ ВПО "Институт управления" (Волгоградский филиал), Волгоград, Россия, (400040, г. Волгоград, ул. им. генерала Штеменко, д. 66 а), e-mail: miu@vfmiu.ru

---

В статье анализируется феномен роста национализма на государственном и общественно-политическом уровнях в национальных автономиях РСФСР: Карачаево-Черкесской и Чечено-Ингушской в позднесоветский период. Исследуются условия формирования национализма: действия «центра» и процессы роста этнонационального самосознания в национальных автономиях. Методом сравнительного анализа исследуется генезис национализмов, его основания и формы, исследуется деятельность общественно-политических движений. Отдельного внимания удостоилось поведение национальных элит и их роль в динамике развития политического суверенитета субъектов Российской Федерации. Сравнение ситуации противостояния двух типов национализма в двух российских автономиях показало, что события происходили примерно в одно и то же время, но привели к совершенно различному результату. Анализ этих событий имеет прямое практическое значение, помогая извлекать уроки для практической политики во избежание дальнейших ошибок при решении сложных проблем межнациональных отношений.

Ключевые слова: Россия, государство, переходный период, автономия, Карачаево-Черкесская автономия, Чечено-Ингушская АССР, политика, национализм, элита, суверенитет.

NATIONALISM DEPORTED PEOPLES AT THE TURN OF THE ERA: THE EXAMPLE KARACHI AND CHECHNYA

Dilman Y.V.¹, Burov A.N.¹, Sarmatin E.S.²

¹ VPO "Russian Economic University named after G.V. Plekhanov" (Volgograd branch), Volgograd, Russia (400131, Volgograd, street. Volgodonsk, 11), e-mail: Volgograd@rea.ru

² LEU VPO "Institute of Management" (Volgograd branch), Volgograd, Russia (400040, Volgograd, st. Im. Gen. Shtemenko, d. 66 a), e-mail: miu@vfmiu.ru

---

The article analyzes the phenomenon of the rise of nationalism in the state and the socio-political level in national autonomies of RSFSR: Karachay-Cherkessia and Chechen-Ingush in the late Soviet period. The conditions of formation of nationalism: the actions of the "center" and the processes of growth of ethno-national identity in national autonomy. The method of comparative analysis investigated the genesis of nationalism, and its base form, investigated the activities of political movements. Special attention was awarded to the behavior of the national elites and their role in the dynamics of the political sovereignty of the Russian Federation. Compare the situation of confrontation between two types of nationalism in the two Russian autonomies showed that events occurred at about the same time, but led to a completely different result. Analysis of these events has a direct practical value, helping to draw lessons for practical politics to avoid further mistakes in dealing with the complex problems of interethnic relations.

Keywords: Russia, the state, the transition period, autonomy, Karachay-Cherkess Autonomous, Chechen-Ingush ASSR, politics, nationalism, elite sovereignty.

На рубеже 80–90-х годов XX века распалось единое союзное государство, но под угрозой распада оказалось и выделившееся из него новое Российское государство. Важнейшая причина этих воистину драматических событий – формирование национализма, получившего повсеместное распространение. Сам термин «национализм» неоднозначен. В советские времена ему придавали сугубо негативное значение. И в последующий период национализм в негативном смысле получил наименование «этнонационализм». Имеется в

виду гипертрофирование интересов и потребностей того или иного этноса за счет ущемления прав других этносов, с которыми соответствующий этнос так или иначе соприкасается. Однако этот термин получил и другое, более или менее «позитивное» значение: отстаивание законных прав соответствующего этноса, его самоидентификация, что в конкретных исторических условиях приняло форму утверждения собственной государственности. Наиболее остро процесс самоидентификации протекал среди народов, подвергшихся репрессиям по этническому признаку в сталинский период отечественной истории (чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, крымские татары, калмыки и др.). Процесс их реабилитации в период «оттепели» носил частичный, незавершенный характер, сами эти события не были проанализированы с должной степенью глубины, их причины до конца не были выявлены, а в период «застоя» рассмотрение этой темы вообще было свернуто. Далее на первый план вышла проблема восстановления территориальной автономии. Она существовала у карачаевского народа до выселения, и ее восстановление рассматривалось карачаевцами в качестве гаранта их окончательной реабилитации. Это требование выдвигалось обществом «Джамагъат» («Народное собрание»), созданном в июле 1989 года. Оно получило массовую поддержку карачаевцев.

В октябре 1989 года под лозунгом восстановления карачаевской автономии прошел первый съезд народов Карачая, в котором приняли участие представители всех населенных пунктов, входивших в Карачаевскую АО в 1943 году. Поддержала национальное движение партийно-государственная номенклатура карачаевского происхождения во главе с хозяйственным руководителем Владимиром Хубиевым (в 1992 году он стал главой администрации автономии). Это было связано со стремлением усилить карачаевское представительство в органах власти автономии и как запасной вариант – все же добиться реанимации Карачаевской АО в соответствии с лозунгами неформального национального движения. Эта поддержка выразилась в решении вопросов финансирования создания районных отделений общества «Джамагъат». В результате уже к декабрю 1990 года численность общества составила 10000 человек [1. С. 151].

Здесь и обнаружилось существенные расхождения между карачаевской номенклатурой и представителями не входящего в номенклатуру карачаевского национального движения. Наиболее радикальная часть этого движения считала, что для полной и окончательной реабилитации карачаевского народа необходим более выгодный статус карачаевской государственности – статус суверенной республики, что вполне вписывалось в уже проходивший по всей стране «парад суверенитетов».

Шаг в этом направлении был сделан в ноябре 1990 г., когда на съезде карачаевских депутатов всех уровней была принята декларация о провозглашении Карачаевской ССР –

«суверенного государства в составе РСФСР». Однако Москва не была заинтересована в расчленении единой Карачаево-Черкессии, равно как и номенклатура, представляющая другие народы автономии. Поэтому вскоре после данного события состоялась сессия областного совета автономии, где было принято постановление о суверенитете уже единой Карачаево-Черкесской ССР. За это решение голосовали и депутаты – карачаевцы (они представляли карачаевскую номенклатуру). В апреле 1991 года по инициативе карачаевских, чеченских и ингушских депутатов Верховный Совет РСФСР принял закон о реабилитации репрессированных народов, где содержалось положение и о территориальной реабилитации. Таким образом, создавалась правовая основа для восстановления самостоятельной карачаевской автономии. Однако руководство федерального центра понимало всю нежелательность и потенциальную опасность перестройки границ субъектов РФ, поэтому уже вскоре после этого был дан задний ход. В июле 1991 года был принят закон РСФСР «О преобразовании Карачаево-Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую ССР в составе РСФСР» и назначены выборы в Верховный Совет новой республики на основе декларации о суверенитете Карачаево-Черкесской ССР, принятой областным советом. Столь резкое изменение позиции федерального центра не привело к умиротворению, а только обострило ситуацию. Лидеры «Демократического Джамагъата» пошли по пути создания альтернативных органов власти, для чего ими был инициирован созыв четвертого съезда карачаевского народа в том же июле 1991 года. На съезде был избран Временный комитет по восстановлению национальной государственности карачаевского народа, а президенту РСФСР было предложено наделить этот комитет властными полномочиями в рамках закона о реабилитации. В ноябре 1991 года по инициативе «Демократического Джамагъата» начался бессрочный общенациональный митинг с требованием восстановления государственности Карачая. В противном случае было решено через месяц приступить к формированию «конституционных органов власти и управления в Карачае». Под давлением этого митинга Совет народных депутатов Карачаево-Черкесской АО, где были представлены не только лица карачаевской национальности, обратился в Верховный Совет РСФСР с просьбой принять постановление «О полной реабилитации карачаевского народа и восстановлении его незаконно ликвидированной государственности в статусе Республики Карачай в составе РСФСР». Очевидно, это был тактический маневр с целью недопущения дальнейшей эскалации конфликта. Президент РСФСР Б.Н. Ельцин направил в российский Верховный Совет законопроект о создании Карачаевской автономии в составе РСФСР. Цель, таким образом, была достигнута: руководство «Демократического Джамагъата» расценило это решение как свой успех и прекратило митинг [5. С.2].

Истинные намерения как федеральных, так и региональных властей прояснились несколько позже. Понимая всю нежелательность расчленения единой многонациональной автономии, официальные власти пошли по пути организации опроса населения о возможности сохранения единства Карачаево-Черкессии. Проведенный 28 марта 1992 года опрос дал положительный результат: за сохранение единства Карачаево-Черкессии высказались 75 % из 79 % пришедших на голосование [1. С. 156]. В результате в апреле 1992 года Президент РФ отозвал из Верховного Совета РСФСР проект Закона «О восстановлении Карачаевской АО и Черкесской АО». Еще ранее, 31 марта 1992 года власти Карачаево-Черкессии (в отличие от властей Чечни и Татарстана) подписали инициированный руководством России федеративный договор, не сделав при этом никаких оговорок. Территориальная целостность автономии была сохранена.

В рассматриваемый период для карачаевского национального движения были характерны постоянные колебания между политическим национализмом и этнонационализмом. Это нашло свое выражение, в частности, в проекте конституции будущей Карачаевской Республики, предложенном «Демократическим Джамагъатом». В этом проекте, с одной стороны, утверждается, что «карачаевский народ (нация) конституируется в своей республике, осуществляет государственную власть через формируемые им органы законодательной, исполнительной и судебной власти. Все государственные и общественные органы Карачая подотчетны и подвластны ее народу (ст.4), а с другой – утверждается, что «за пределами акта конституирования как нации, обретения государственности ее коренное население никакими привилегиями не пользуется (ст. 23), а «карачаевский народ, пользуясь правом на самоопределение и правом на самоуправление, вместе с другими национальными группами образует самостоятельное государство – Карачаевскую ССР – суверенное государство в составе РСФСР» (ст. 3) [3. С.33]. В дальнейшем ход межэтнического противостояния в Карачаево-Черкессии обусловил закрепление понятия этнонации.

Карачаевский этнонационализм не принял крайнюю форму своего выражения, что было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, сказалась острота межэтнического противостояния в автономии. Другие этнические группы образовали свои национальные движения, лишавшие карачаевское национальное движение монополии, а в численном отношении карачаевский народ отнюдь не доминировал. Во-вторых, политическая элита Карачая оказалась достаточно сильна и консолидирована, чтобы успешно противостоять «неформалам». К тому же в ходе политической борьбы она проявила способность к гибкому маневрированию. В-третьих, к гибкому политическому маневрированию оказался предрасположен и федеральный центр, извлекая уроки из своей неудачи в Чечне. В-

четвертых, политическая культура карачаевцев была более толерантна, чем у ряда других кавказских народов. Карачаевцы не принимали участия в кавказской войне XIX века, и соответственно их историческая память не была отягощена опытом противостояния с Россией. Да и обычай кровной мести у них не был так распространен, как у чеченцев: в таких случаях они обычно предпочитали выкуп. Наконец, сказался и такой фактор, как отсутствие сильного харизматичного лидера типа Дж. Дудаева, способного возглавить движение в русле этнонационализма.

В отличие от карачаевского национализма чеченский национализм принял гораздо более радикальный характер. В первую очередь следует указать на причины социально-экономического плана: по оценке Дж. Гакаева, главным итогом модернизационных процессов в республике является значительное отставание чеченцев от других народов России. Оно проявляется в высокой рождаемости, ведущей к росту людей нетрудоспособных возрастов в популяции, в численном преобладании сельских жителей над горожанами (70 % чеченцев жили в селах), в сравнительно невысоком уровне образования (в 1989 году на тысячу чеченцев людей с высшим образованием приходилось в 5–7 раз меньше, чем на такое же число коренных жителей в соседних республиках), в деформированной социально-профессиональной структуре общества, в отсутствии национального отряда индустриальных рабочих, среднего класса, в самом низком (среди республик России) уровне жизни и самой высокой смертности, в самом высоком проценте безработных (40 %) и рекордном числе отходников (100000 в год) [2. С. 116].

Как и в Карачаево-Черкессии, в Чечено-Ингушетии периода 1988–1991 гг. можно выделить и политический, и этнонационализм, но с весьма существенными отличиями. В первую очередь лозунги политического национализма первоначально прокламировались не официальными властями республики, а представителями впервые возникшего в начале 1988 года национального движения, несколько позже обозначившегося как «Союз содействия перестройке» (еще позже оно было переименовано в «Народный фронт Чечено-Ингушетии»). Политический (принявший форму государственно-бюрократического) национализм чеченской политической элиты стал разыгрываться с июня 1989 года, когда на пленуме Чечено-Ингушского обкома КПСС первым секретарем обкома впервые за всю историю коммунистической власти был избран чеченец Доку Завгаев, ранее работавший вторым секретарем обкома. Первые шаги Завгаева на этом поприще давали надежды на достижение межнационального согласия в республике. Однако обострение социально-экономической ситуации порождало недовольство среди широких слоев населения и появление новых политических сил. Так, в мае 1990 г. на свет появилась Вайнахская демократическая партия (ВДП). На первом этапе партия выдвигала достаточно умеренные

лозунги общедемократического характера, но уже осенью того же года появилась резкая антироссийская риторика и требования достижения полной независимости, т.е. выхода из состава СССР и РСФСР. Таким образом, эта партия приобрела экстремистскую окраску и скатилась к этнонационализму.

Тенденции к этнонационализму проявились и на съезде чеченского народа, состоявшемся в ноябре 1990 года. На нем с крайне националистической речью выступил генерал ВВС Джохар Дудаев, имевший статус приглашенного лица. На съезде проявилась тенденция к обособлению «чеченской части» все еще единой Чечено-Ингушетии: от имени чеченского народа съезд декларировал государственный суверенитет Чечни «Нохчи – Чоь». Еще ранее, в сентябре 1989 года, на аналогичном съезде ингушского народа была декларирована необходимость создания Республики Ингушетия вместе со спорным Пригородным районом, входившим в состав Северной Осетии. Обе декларации послужили фактором давления на Верховный совет Чечено-Ингушской АССР, который 27 ноября 1990 года принял наконец «Декларацию о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики» [4]. Декларация была выдержана вполне в духе политического национализма. О выходе из состава СССР и РСФСР речи не было, но Чечено-Ингушетия объявлялась суверенным государством, которая будет подписывать союзный и федеративный договоры на равноправной основе. вполне в духе политического национализма к нации причислялись все жители республики, постоянно проживающие на ее территории, независимо от их этнической принадлежности. Во всех законодательных актах республиканского Верховного Совета говорилось о многонациональном народе Чечено-Ингушской Республики.

В конце 1990 года радикальные националистические партии и организации, действовавшие в Чечено-Ингушской Республике (ВДП, «зеленое движение», Исламская партия возрождения, партия «Исламский путь» и Общество «Кавказ») создали оппозиционный блок «Общенациональное движение чеченского народа» (ОДЧН) с целью реализации идеи «народного суверенитета чеченского народа». Этот блок провел серию митингов с требованием отставки правительства Завгаева и проведения новых выборов. Для этой цели ими был использован и исполком съезда чеченского народа, проведенного, как мы отмечали ранее, в ноябре 1990 года. Первоначально в исполкоме преобладали политики умеренной ориентации, но в июне 1991 года сторонники этнонационализма провели второй этап съезда чеченского народа, предварительно профильтровав соответствующий делегатский корпус. Этот съезд, возглавляемый Дж. Дудаевым, объявил о низложении существующей власти и о провозглашении суверенной чеченской Республики «Нохчи–Чоь», не входящей ни в РСФСР, ни в СССР. В последующие месяцы отделения исполкома съезда были созданы в районах республики. Так создавался организационный механизм для

последующего захвата власти. Применяв большевистские методы захвата власти, этнонационалисты во главе с Дудаевым захватили основные общественные здания и электронные СМИ, развернув интенсивную антироссийскую пропаганду. На этом фоне 27 октября 1991 года они провели «выборы» Парламента и Президента Чеченской Республики, которым и был «избран» Дудаев.

Окончательно власть в их руки, впрочем, еще не перешла. Многие жители республики их еще не поддерживали, а силовые структуры продолжали подчиняться Москве. Ситуация резко изменилась в первой декаде ноября 1991 года, когда Президент РФ опрометчиво ввел в республике чрезвычайное положение, организационно отнюдь не подкрепленное. Это вызвало возмущение чеченского народа, воспринятое как имперское вмешательство в дела республики. Настроения качнулись в пользу Дудаева, который реально овладел теперь и всеми рычагами власти. Итак, де-факто произошел раскол до этого единой Чечено-Ингушской Республики, а вновь образованная Чеченская Республика «Нохчи Чоь» реально вышла из состава СССР и РСФСР, что и было закреплено принятой вновь «избранным» Парламентом ЧР Конституцией Республики в марте 1992 года. Поскольку официальный национализм нового «государства» принял этнократическую окраску, идеология политического национализма в дальнейшем была представлена демократической оппозицией режиму Дудаева (движение «Даймохк», «Движение демократических реформ», «Ассоциация интеллигенции», «Гражданское согласие», движение «Маршо», Республиканская партия). Подводя итог рассмотрению темы чеченского национализма, отметим следующие моменты:

1. Чеченский политический национализм, в отличие от карачаевского, первоначально выступал в форме государственно-бюрократического национализма и лишь потом, после взятия власти национал-радикалами, принял форму демократической оппозиции этнократическому режиму.
2. Чеченский этнонационализм, первоначально представленный оппозиционными силами национал-радикализма, принял в дальнейшем государственную форму, противопоставив себя Российской Федерации.
3. Российское руководство в ряде случаев проявило самоуверенность и некомпетентность при решении «чеченского вопроса», вызвав недовольство и протест чеченского народа и этим усилив позиции этнонационализма. Ошибкой также оказалось игнорирование демократической оппозиции режиму национал-радикализма.
4. Не был в полной мере учтен силовой фактор чеченской ментальности, предопределенный длительной историей российско-чеченского противостояния.
5. Существенную роль сыграл фактор харизматического лидера (Дж. Дудаева), способного повести за собой значительную часть населения с невысокой политической культурой.

Игнорирование этого фактора привело к неверным политическим оценкам, вызвавшим отрицательный политический эффект.

В данной статье мы сравнили ситуации противостояния двух типов национализма в двух российских автономиях. События происходили примерно в одно и то же время, но привели к совершенно различному результату. Анализ этих событий помогает извлекать уроки для практической политики, чтобы избежать дальнейших ошибок при решении сложных проблем межнациональных отношений.

Список литературы

1. Васильева О. Республика Карачаево-Черкессия и карачаевский национализм // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе: в 3 тт. [под общ.ред. Э.Яна] Т.3: национализм в национально-территориальных образованиях – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
2. Гакаев Дж. Очерки политической истории Чечни (XX век). В 2 ч. – Ч. 1. – М., 1997.
3. Государственные акты Карачаевской Республики. – Карачаевск, 1990.
4. Декларация о государственном суверенитете чечено-ингушской республики [Электронный ресурс] // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова - URL: <http://constitutions.ru/?p=2915> - (дата обращения: 30.04.2015).
5. Джамагъат. – 1990. – № 3-4.

Рецензенты:

Восканян С.С., д.пол.н., профессор, профессор кафедры государственного управления и политологии Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «РАНХиГС», г. Волгоград;

Шелекета В.О., д.фил.н., профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных наук филиала ФГБУ ВПО «НИУ МЭИ» в г. Волжском, г. Волжский.